

ГАСТРОЛИ ШАНХАЙСКОГО ТЕАТРА ПЕКИНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ДРАМЫ

Древнее и вечно юное искусство

Знакомство нашего зрителя с Шанхайским театром пекинской музыкальной драмы начинается с недоуменного вопроса: если это пекинский театр, то почему он в Шанхае, а если шанхайский, то почему он называется пекинским? Чтобы разрешить это недоумение, нужно обратиться к истории китайского народного театра и его особенностям. Зародившись в X—XI вв., китайский театр прошел сложный путь развития. Классические формы китайского театра всегда рождались из народных представлений, отличавшихся друг от друга по диалекту, музыке, приемам постановки, сюжетам пьес и т. д. Классические формы театра, взяв за основу тот или иной вид народного театра, сохраняли его особенности и, распространившись потом по всему Китаю, оставляли название того местного вида театра, который лег в их основу. То же самое случилось и с пекинским (или точнее «столичным») театром цзинцзюй, зародившимся в середине XVIII века в Пекине и сейчас широко распространенном по всему Китаю.

Придя на первое представление Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы, многие ожидали чего-то сходного с уже пленившим нас в прошлом году шаосинским театром из того же Шанхая. И действительно, мы увидели, что в пекинском театре, как и в шаосинском, диалог актера сочетается с пением и пантомимой, что весь спектакль ведется в строгом ритме, под музыку оркестра. Но на этом и кончилось сходство. Все остальное было непохоже на шаосинский театр, и поэтому уже первое представление заставило ленинградского зрителя понять, как разнообразен по своим жанрам и приемам национальный китайский театр.

Прежде всего, бросилась в глаза разница в подборе пьес. В шаосинском театре по большей части мы видели большие пьесы, занимавшие целый вечер — в пекинском, как правило, в один вечер представляются несколько небольших пьес или сцен. Первое выступление в Ленинграде состояло из четырех самостоятельных спектаклей: «В горах Яньданышань», «Опьянение Ян Гуй-фэй», «Похищение чудесной травы» и «Месть рыбака».

Пьеса «В горах Яньданышань» посвящена народному восстанию седьмого века. Едва поднялся занавес, как зритель снова был удивлен тем, что не увидел декораций. Это почти полное отсутствие декораций одна из характерных особенностей пекинского театра. Однако, как только началось действие, все забыли, что декораций нет.

В пьесе показано три сражения: в горах, при переправе через реку и у стен крепости. Можно только поражаться мастерству актеров, по движениям которых было видно, как они пробираются среди скал, сражаются среди камней. Сцена сражения в воде изумляет необыкновенной пластикой. Хотя нет воды, нет даже намека на то, что здесь поверхность реки, но благодаря искусству актеров эта вода реально ощущается.

Совершенно по-другому выглядит вторая пьеса «Опьянение Ян Гуй-фэй». О знаменитой красавице VIII века Ян Гуй-фэй народные легенды говорят, что она была особенно прекрасна в минуты опьянения. И действительно, выпив несколько чашек вина, Ян Гуй-фэй в исполнении артистки Ли Юй-жу так очаровательна, что от нее невозможно оторвать глаз, столько грации в каждом ее шаге, так изящны ее неуверенные движения. А рядом с этой изящной красавицей в пышном традиционном костюме фаворитки императора два смешных евнуха, которые не знают, куда скрыться от неожиданных выходов опьяневшей красавицы. Актеры Сунь Чжэн-ян и Хуан Чжэн-цинь неподражаемы в изображении их сматения. Евнухи стараются свалить один на другого уход за Ян Гуй-фэй, и их растерянность при каждой ее новой выходке заставляет зрительный зал весело смеяться.

Уже после этих двух пьес ярко выступает еще одна особенность пекинского театра: разделение персон

нашей по амплуа. Китайский зритель по костюмам безошибочно определяет, кого изображает появившийся на сцене актер. Такую же роль выполняет и грим (или маска). Желтый цвет одеяния полководца Хо (артист Сунь Чжэн-ци) говорит, что это — императорский генерал, а совершенно белый цвет его лица подсказывает зрителю, что он — злодей. Белое пятно на носу евнуха подчеркивает, что это — персонаж комический.

«Похищение чудесной травы» — это отрывок из предания о Белой Змее — оборотне, которая превратилась в прелестную девушку, полюбила молодого ученого и вышла за него замуж.

В «Похищении чудесной травы» показан один эпизод легенды: Белая Змея, чтобы спасти своего супруга от смерти, отправляется на гору, где растет волшебная трава, возвращающая человеку жизнь. Ради этой травы она вступает в не-

равную борьбу с чудовищами, охраняющими волшебную траву. Снова мы видим великолепную по слаженности и приемам картину сражения, тем более удивительную, что роль Белой Змеи исполняет женщина — актриса Чжан Мэй-цзюань. Зритель вместе с Белой Змеей торжествует победу любви над злыми силами, когда Владыка Юга (артист Сюн Чжи-лин), тронутый чувством Белой Змеи, отдает ей волшебную траву.

Наконец, в заключительной пьесе «Месть рыбака», одной из популярнейших пьес китайского репертуара, зритель увидел знаменитого актера Чжоу Синь-фана, пятидесятилетний юбилей которого был в прошлом году торжественно отпразднован в Китае вместе с юбилеем другого всемирно известного актера — Мэй Лань-фана. Чжоу Синь-фан играет главную роль рыбака Сяо Эня, не вытерпевшего тиранни помещика (артист Сюй Шунь-бин) и вместе со своей дочерью (артистка Чжао Сяо-лань) вступившего в борьбу за свое человеческое достоинство. Нужно видеть, как великолепно изображает Чжоу Синь-фан и горе рыбака, которого помещик обирает до нитки, и чувство гордости в сцене, когда он побеждает хвастливых трусов — телохранителей помещика, и его гнев и возмущение, когда он, избитый, возвращается домой после наказания в уездном управлении, — нужно это видеть, чтобы понять всю глубину искусства этого выдающегося мастера китайской сцены.

В пьесе «Месть рыбака» снова мы видим блестящее мастерство пантомимы. Лодка, ворота дома, берег реки — всего этого нет на сцене, и в то же время все это есть. Когда рыбак подтягивает воображаемую лодку за воображаемую веревку к воображаемому берегу, когда актеры прыгают с берега в лодку, когда дочь рыбака открывает и закрывает двери дома, мы видим не только их движения, мы представляем, где лодка или двери, и даже какой длины веревка или на какой высоте над землей находится засов у дверей.

Совершенство техники и игры актеров Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы роднит этот театр с виденным нами в прошлом году шаосинским театром. Секрет этого совершенства в народности китайского классического театра, в том, что классический театр впитал и продолжает сейчас впитывать традиции народного театра, отбирая все лучшее, что есть в народном искусстве.

Чем больше мы видим у нас в гостях представителей театра Китая, тем лучше постигаем все величие этого бессмертного, неувядающего искусства, тем глубже мы понимаем душу великого китайского народа. На примере пекинского театра музыкальной драмы видно, как воплощается в жизнь призыв Мао Цзэ-дуна: «Чтобы все цветы расцвели сразу, на основе старого создавайте новое!».

Л. МЕНЬШИКОВ

На снимках сцены из пьес: сверху — «В горах Яньданышань»; в центре — «Месть рыбака»; внизу — «Похищение чудесной травы».

Фото Я. Давыдкина